

«Тень над Лесной Рекой»

Васильева Ирина

18+

Ирина Васильева

«Тень над Лесной Рекой»

«Автор»

2026

Васильева И.

«Тень над Лесной Рекой» / И. Васильева — «Автор», 2026

«Чтобы Лесная Река отпустила, нужно отдать ей то, что держит крепче всего. Себя». Москва, наши дни. Молодой писатель Алексей Волков едет в глухую сибирскую деревню за материалом для статьи о забытых местах. Но Лесная Река — это не просто точка на карте. Это древний хищник, который питается воспоминаниями. Очнувшись в заброшенной избе, Алексей понимает: его память начала рассыпаться. Чтобы не сойти с ума, он вынужден есть страницы из дневника пропавшего ученого, буквально вырывая куски из собственной личности. Вместе с местной жительницей Ладой — женщиной, которая сама давно умерла и теперь носит чужое имя как оберег, — Алексей спускается в подземный архив под корнями часовни. Там, среди банок с консервированным временем и гербариев, растущих внутри стекла, они находят истину: Река — это машина, а её создатель, безумный учёный Страшнов, всё ещё ждет гостей.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Порог у реки.	5
Глава 2. Лагерь у тропы.	12
Глава 3. Хранитель памяти.	19
Глава 4. Шорохи у дома.	24
Глава 5. Срывы реальности.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Васильева

«Тень над Лесной Рекой»

Глава 1. Порог у реки.

Смола пахла отчаянием.

Алексей Волков выбрался из прокуренного тамбура на дощатый перрон станции «Лесная Река» ровно в три часа пополудни. Электричка, лязгнув стальными сочленениями, оторвала облако сизого дыма и умчалась обратно к цивилизации, оставив его наедине с тишиной. Тишина здесь была не пустой — она состояла из слоев. Слой первый: низкочастотный гул мошкары над лужами мазута. Слой второй: сухой треск старой хвои под ногами. Слой третий, самый плотный — глухая, ватная стена леса, начинавшаяся сразу за ржавым щитом «Берегите лес от огня».

Город остался в ста километрах позади, но Алексей чувствовал, как он всё ещё сочится из него самого запахом дешевого растворимого кофе, озона метро и липкого пота офисного кресла. Он приехал сюда искать материал для статьи в журнал о забытых местах России. Редактор хотел легкой жути, краеведческой пыли, пары выцветших фотографий и заголовка вроде «Призраки советских леспромхозов». Алексей же искал что-то другое. Что именно — он сформулировать не мог. Возможно, ту самую точку невозврата, после которой человек перестает быть горожанином и становится просто биомассой.

Деревня встретила его кривыми заборами из горбыля и единственным магазином, где ассортимент состоял из хлеба-кирпича, каменной соли, водки и резиновых сапог сорок пятого размера. Хозяйка магазина, женщина без возраста с лицом, выдубленным солнцем и ветром, посмотрела на московскую куртку Алексея с нескрываемым подозрением.

— Тебе дом бабы Зины сдам, — сказала она, отсчитывая сдачу мелочью. — На окраине. Только воду из колодца не пей, пока не прокипятишь. Там железо старое, кишки завернет. И по тропе за баню после заката не ходи. Там папоротник дурной растет, голову морочит.

— Почему дурной? — спросил Алексей, пряча блокнот во внутренний карман. — А потому что шумит не так, — отрезала продавщица и потеряла к нему всякий интерес.

Дом бабы Зины оказался приземистой избой-пятистенком, вросшей в землю по самые подоконники. Крыша просела посередине, словно старуха, уставшая нести свой крест. Замок открылся со второго рывка, обильно осыпав плечо Алексея рыжей трухой. Внутри пахло сухеными яблоками, мышами и чем-то аптечным — карболкой или дегтем.

Алексей бросил рюкзак на железную кровать с провисшей панцирной сеткой. Сквозь мутное стекло окна виднелась река. Лесная Река текла неспешно, маслянисто, её вода имела странный свинцовый оттенок. Она огибала деревню широкой дугой, образуя мыс, который местные называли «Пятачком». Именно туда, согласно обрывочным данным из городского архива, летом сорок третьего года ушел отряд дезертиров и не вернулся. Их искали две недели войсковые части с собаками. Собаки отказывались брать след уже через сто метров от воды, скулили и ложились на брюхо, а люди возвращались с головной болью и провалами в памяти. В итоге поиски свернули, списав всё на болотные миазмы и дезертирство.

Алексей достал камеру. Ему нужен был свет. Тот самый косой, предвечерний свет, который превращает любую разруху в романтическую руину. До заката оставалось около трех часов. Идеальное время, чтобы обойти деревню, сделать пару кадров пустующих лодок и расспросить местных о легендах. Без легенд статья не взлетит.

Он вышел на улицу. Солнце висело низко, цепляясь лучами за верхушки мачтовых сосен. Деревня казалась вымершей. Ни людей, ни кур, ни даже блеянья коз. Только ветер гонял по единственной улице полиэтиленовый пакет.

Алексей шел медленно, фиксируя детали. Вот резной наличник, на котором вместо привычных солярных знаков вырезан спиральный лабиринт, уходящий внутрь доски. Вот перевернутая лодка, днище которой покрыто не тиной, а густым слоем черного мха, растущего правильными геометрическими кругами. Воздух становился прохладнее, и запах речной свежести начал перебивать сухую пыль деревни. К нему примешивался другой аромат — сладковатый, приторный запах гниющих осенних цветов.

Тропа за крайним домом действительно вела к реке, но почти сразу раздваивалась. Основная, утоптанная дорожка уходила вправо, к броду. Левая же, едва заметная в зарослях крапивы, ныряла в густой ельник. Алексей помнил слова продавщицы про папоротник, но профессиональный азарт зудел под кожей. Дезертиры ушли именно в чащу. Если где и прятать кости, то только там, куда не сунется собака.

— Эй! — окликнул его сиплый голос откуда-то сбоку, от забора. — Ты бы не лез туды, милоч.

У завалинки сидел дед в одной исподней рубаше, несмотря на сентябрьский холод. Босые ноги он опустил в таз с мутной водой. Глаза у деда были бледно-голубыми, почти прозрачными, как речная галька.

— Простудитесь, отец, — сказал Алексей, подходя ближе. Вода в тазу парила.

— Это не простуда, это сустав грызет, — дед кивнул на свои колени. — А ты сумку свою убери подальше от тела. Не любит оно железа. Особенно диктофоны ваши. Мертвечиной фонит.

— Я журналист. Хочу написать о вашей деревне. О ее истории.

— История... — дед усмехнулся, обнажив редкие желтые зубы. — У нас тут одна история, парень. Земля память глотает. Жадно так, причмокивает. После войны много народу сгинуло. Думали, война их взяла. А она вон там осталась. — Старик махнул корявой рукой в сторону ельника. — Они не мертвые. Они просто ненастоящие стали. Река их переписала начисто. Как плохую рукопись ластиком стерли, а карандашный след остался. Шуршит.

Алексей включил диктофон, спрятав руку с ним за спину. Пусть фонит мертвечиной, лишь бы звук писал.

— Вы видели кого-нибудь из тех дезертиров?

— Видел, — легко согласился дед. — Через год после победы. Баба моя белье полоскать пошла ниже по течению, а оттуда мужик выходит. Форма выгоревшая, пилотка на ухе. Стоит, смотрит. Она ему: «Степан, ты ли?» А он молчит. Потом улыбнулся так, что десны синие, и шагнул прямо в омут. Больше не всплывал. Только фуражку к берегу прибило. А внутри фуражки — ил сплошной. Ни черепа, ни костей. Одна черная земля шевелится.

По спине Алексея пробежал холодок, не имеющий ничего общего с вечерней сыростью. Истории сельских всегда гиперболизированы, замешаны на самогонных парах и желании удерживать слушателя, но глаза этого деда не врал. В них плескалось усталое знание человека, который давно перестал отличать сон от яви.

— А почему они уходят именно в тот лес? — спросил Алексей.

— Потому что порог переступили, — дед зачерпнул воды из таза и плеснул себе на лицо. Пар поднимался от кожи. — Городской человек думает, что мир круглый да ровный. А он слоеный. Есть слой, где мы ходим, есть слой, где зверье бегаёт. А есть промеж них — тонкий такой, как паутина. Лесная Река этот слой годами точила. Война ей дырку пробила. Кровищи сколько было... Страх человеческий — он жирный. Река им нахлебалась досыта. Теперь вот переваривает. Кто слишком долго на берег глядит, того затягивает. Сначала имя заберет. Потом при-

вычки. Потом кожу снимет, чтобы удобнее было в тебя влезть. Ветви, они ведь тоже палыцы. Ты иди, писатель. Только уши заткни, когда шептать начнут. Имя свое услышишь — пропадешь.

Дед отвернулся и принялся рассматривать собственные колени, давая понять, что аудиенция окончена. Алексей поблагодарил его сухими губами и пошел к тропе. Разговор оставил во рту привкус железной стружки.

Ельник поглотил его мгновенно. Солнечный свет здесь дробился на тысячи зеленых игл, превращаясь в полумрак. Воздух стал тяжелым, спрессованным. Запах прелой хвои бил в нос, вызывая легкое головокружение. Под ногами пружинил толстый ковер старого опада.

Первые пятьсот метров Алексей шел уверенно, считая шаги и сверяясь с компасом на часах. Стрелка лениво дергалась, отклоняясь то на север, то на восток, хотя должна была смотреть строго на запад, к реке. Он списал это на магнитную аномалию. Болота часто грешат подобным.

А потом начались звуки. Сначала это был обычный лесной шум. Где-то далеко долбил дятел — методично, ритмично. *Тук-тук. Тук-тук.* Но ритм постепенно сбивался. Паузы между ударами становились неравномерными, издевательскими. *Тук... тук-тук... тук...* Казалось, птица отстукивает азбуку Морзе. Алексей остановился. Дятел замолчал. Сразу, на середине удара. Наступившая тишина ударила по барабанным перепонкам сильнее, чем любой крик.

И тогда пришел шепот.

Он родился не в ушах. Он рос прямо из коры деревьев, сочился сквозь поры старых стволов, оседал каплями влаги на еловых лапах. Сначала это был просто белый шум ветра в ветвях. Но мозг, эволюцией приученный искать человеческую речь в хаосе звуков, начал выстраивать паттерны.

Ш-ш-ш-ле... Ш-ш-ш-ек-сей...

Алексей замер. Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в желудок. Это невозможно. Эффект Берба, акустическая иллюзия, порождение усталости. Он читал об этом. Мозг берет случайный спектр шума и накладывает на него знакомые частоты. Имя — самая сильная частота.

— Лексей... — прошелестело совсем рядом, слева, из-за ствола вековой сосны. Голос был сухим, ломким, похожим на хруст пересушенного сена.

Волков резко обернулся. Никого. Только рыжий ствол, залитый смолой, и глубокие горизонтальные борозды на нем. Следы когтей? Медведь? Но медведь оставляет вертикальные царапины, когда встает на задние лапы. Эти же тянулись параллельно земле, на уровне человеческого плеча, словно кто-то огромный пытался вскрыть дерево консервным ножом.

— Показалось, — вслух сказал Алексей. Его собственный голос прозвучал жалко, плоско, лишившись эха. Звук падал в мох и тонул в нем без остатка.

Он решил вернуться. Материал никуда не денется. Можно прийти завтра с утра, взять проводника — хоть того же деда. Но когда Алексей развернулся, тропы сзади не оказалось. Вместо нее плотной стеной стояли одинаковые молодые ели, переплетенные ветвями так тесно, что меж ними не пролез бы и заяц. Паника поднялась горячей волной к горлу. Логика кричала, что он просто сбился с курса, сделал крюк. Нужно достать компас, найти солнце. Солнца не было. Зеленоватая мгла стала еще гуще.

— Помогите! — крикнул Алексей. Крик завяз в воздухе. Он не улетел вверх, не отразился от деревьев. Он просто впитался в пространство перед ним, сделав тишину вокруг еще более абсолютной.

— Помогаешь... — согласилось несколько голосов сразу. Женских, детских, мужских. Все они звучали приглушенно, словно говорящие находились под толстым слоем воды.

— Идем... поможем...

Ветки впереди дрогнули. Не от ветра — ветра внизу, у земли, вообще не было. Расступились сами собой, образовав узкий коридор. Темный, приглашающий. Папоротник вдоль

стен коридора стоял неподвижно, но его листья мелко-мелко вибрировали, издавая тот самый шорох, о котором говорил дед. Звук тысяч сухих ладоней, трущихся друг о друга.

Алексей сделал шаг назад. Каблук ботинка наступил на что-то мягкое, но упругое, издавшее тихий чавкающий звук. Он посмотрел вниз. Из-под подошвы торчал краешек серой шинели. Ткань выглядела новой, необветренной, пуговицы тускло блестели оловом. Алексей присел на корточки, чувствуя, как леденеют кончики пальцев. Он осторожно потянул за воротник.

Из мха показалась голова. Человеческая. Обтянутая серой, полупрозрачной кожей, натянутой прямо на череп без признаков мышц и жира. Глазницы были пусты, но Алексей готов был поклясться, что чувствует на себе тяжелый взгляд из этих черных ям. Рот трупа был забит землей. Черной, шевелящейся землей, точно как описывал дед.

Волков отпрянул, поскользнувшись на влажном мху. Труп остался лежать, продолжая медленно погружаться обратно в почву, которая принимала его как родную часть себя.

Нужно бежать. Ломиться сквозь кусты, наплевав на ветки, рвущие одежду. Просто прочь отсюда, к реке, к людям, к любому звуку громче собственного пульса.

Алексей рванулся влево, туда, где просвет между деревьями казался чуть ярче. Он бежал, выставив руки вперед, разбивая лицо о невидимые сучья. Легкие горели огнем, горло драло от холодного, насыщенного спорами воздуха.

— Алекссссей...

Теперь шипение было повсюду. Оно спускалось сверху вместе с клочьями седого мха, выползло из-под корней, стекало по затылку за шиворот холодной струйкой. Ветви берез, мимо которых он пробегал, изгибались под невозможными углами, тянясь к нему узловатыми пальцами. Сухие сучья пытались зацепить рукав куртки, вырвать клочок волос. Лес ожил, превратившись в единый хищный организм, охраняющий свои границы.

Впереди блеснула вода. Серая гладь Лесной Реки. Спасение. Ширина русла здесь была метров двадцать — вплавь доберется, даже если судорога схватит. Главное — выйти из-под полога деревьев на открытый берег.

Он вылетел на прогалину и резко затормозил, взрыхлив каблуками песок. Реки не было. Вернее, там, где должен был быть песчаный откос и вода, зияла огромная воронка вращающегося тумана. Серый столб высотой в два человеческих роста медленно крутился против часовой стрелки. Внутри воронки вспыхивали и гасли электрические разряды лилового цвета. От столба исходил невыносимый жар, пахнувший озоном и паленой шерстью.

И из этой ревущей пустоты выходили люди.

Они появлялись бесшумно, ступая прямо из уплотненного воздуха. Фигуры в истлевших гимнастерках, женщины в длинных платьях довоенного кроя, дети с игрушками, рассыпающимися в прах при первом же шаге. Никто из них не смотрел на Алексея. Их взгляды были устремлены внутрь воронки. Они шли к ней стройной, медленной очередью, вытянув руки вперед, и исчезали в лиловой вспышке, оставляя после себя лишь легкий запах праха.

Один из мужчин, проходя мимо Алексея, повернул голову. У него не было лица — только гладкая овальная поверхность, напоминающая плохо обожженную глину. Но рот был. Тонкая, прорезанная ножом щель, из которой донеслось:

— Своё забыл. Чужое несешь. Брось.

Алексей судорожно вцепился в ремешок фотоаппарата, висящего на шее. Камера казалась раскаленным куском металла. «Брось», — повторил беззвучный приказ в его голове.

Он сорвал камеру с шеи и швырнул ее в туман. Аппарат не долетел. В метре от воронки воздух загустел, как кисель, Nikon завис на секунду, пластик корпуса жалобно скрипнул, сплюсываясь в идеальный серый куб, и упал на песок, став обычным прибрежным камнем.

— Память тяжелее камня, — прошептали ветви над самым ухом. — Мы понесем.

Алексей почувствовал движение за спиной. Медленное, неотвратимое. Он обернулся.

Там, где он только что прорубил путь своим телом, деревья сомкнулись. А прямо перед ним, отделяя от спасительного пути к деревне, стояла фигура.

Она не была прозрачной, как остальные призраки. Она была черной. Двухмерной, плоской, как выжженная на фотобумаге тень. У нее не было черт лица, не было одежды, не было объема. Абсолютный силуэт, поглощающий остатки света. Ростом она превышала Алексея раза в полтора.

Тень сделала шаг. Этот шаг не сопровождался звуком шагов. Просто расстояние между ней и Алексеем сократилось на метр. Границы фигуры смазались, поплыли, становясь текучими.

— Ты смотришь, — констатировала Тень. Голоса у нее не было, мысль вбивалась прямо в височные кости. — Смотреть больно. Боль нужно забрать.

Алексей пятился, пока лопатки не уперлись в шершавый ствол сосны. Кора впиалась в спину сквозь рубашку. Он полез в карман штанов, нащупывая единственное оружие — дешевую зажигалку. Пальцы дрожали так сильно, что кремневое колесико соскакивало.

Тень нависла над ним. От нее веяло холодом склепа и тем специфическим запахом, который бывает в старых библиотеках — смесью пыли, клея и чего-то неизменно мертвого.

— Дай мне твои узлы, — прошелестела Тень, протягивая к лицу Алексея нечто, бывшее когда-то рукой. Пальцев было шесть, и они сгибались во все стороны.

— Узлы страха. Узлы имени. Мы расплетем. Будет тихо.

Алексей щелкнул зажигалкой. Выпустил маленький, трепещущий лепесток пламени. Огонь встретил абсолютную темноту силуэта и умер. Пламя не погасло, нет — оно просто втянулось внутрь Тени, как вода в сухую губку. Силуэт на долю секунды приобрел объем, текстуру, глубину. Алексей успел разглядеть внутри клубящейся тьмы бесконечные ряды зубов, расположенных спиралью, уходящей в бездну грудной клетки.

— Вкусно, — выдохнула Тень. — Тепло. Оставайся. Будешь моим словом.

Она положила шестипалую ладонь на лоб Алексея.

Прикосновения не было. Было падение. Словно пол под ногами исчез, и он рухнул вниз сквозь этажи собственной жизни.

Вот он выпускник журфака, пьяный и счастливый.

Вот первая ссора с отцом, хлопнувшая дверью парадной.

Вот вкус первого украденного яблока в чужом саду.

Вот розовые обои в детской комнате.

Всё это промелькнуло за одно мгновение, не вызвав никаких эмоций. Воспоминания проходили сквозь него, как рентгеновские лучи, не задерживаясь. Тень высасывала эмоциональный клей, скрепляющий личность. Остался только голый каркас фактов, которые стремительно покрывались плесенью.

Имя. Ему нужно держаться за имя. Алексей. Леша. Лёха. Сын Елены и Виктора.

— Нет, — булькнула Тень, наклоняясь ниже. Её дыхание пахло речной тиной и разложением. — Ты ошибаешься. Тебя зовут Шорох. Ты вырос из корня можжевельника. Твоя мать — гроза в июле.

Чернота начала заполнять глазницы. Зрение сужалось, превращаясь в длинный черный тоннель. В конце тоннеля горел зеленый, фосфоресцирующий свет. Свет мха на болоте.

Внезапно хватка ослабла. Тень отдернула руку так быстро, что Алексея качнуло вперед. Он открыл глаза. Перед лицом, в сантиметре от носа, колыхалась красная нить. Толстая шерстяная нитка, обмотанная вокруг его шеи. За второй конец нити держалась девушка.

Она возникла из-за дерева совершенно бесшумно. Молодая, лет двадцати пяти, в высоких резиновых сапогах и брезентовой штормовке. На поясе у нее висел охотничий нож в кожаных ножнах. Русые волосы заплетены в тугую косу, перекинутую через грудь. Но главным были

глаза. Глубокие, темные, радужка сливалась со зрачком. Таких глаз не бывает у обычных людей — в них отражался весь этот безумный лес целиком.

— Рано взяли, — спокойно сказала девушка, глядя на Тень. — У него контракт не подписан. Чернила сухие.

Тень издала звук, похожий на скрежет наждачной бумаги по стеклу. Она отступила на шаг, теряя плотность. Силуэт снова стал плоским, двумерным. — Это территория Реки, Морская. Ты нарушаешь границу владений. — Владений нет, — девушка мотнула головой, и коса тяжело ударила ее по бедру. — Есть долг. Я привела гостя. По правилам гостеприимства первые сутки неприкосновенны. Или твой договор с людьми отменили?

Тень замерла. Ее края начали дымиться, распадаясь на отдельные хлопья пепла, которые тут же подхватывал невидимый сквозняк и уносил в сторону воронки. — Три дня, — прошипела Тень. — На четвертый вернусь за процентами, Морская. Он принесет нам песню. — Убейся, — бросила девушка. Тень не ушла — она стекла вниз, впитавшись в корни сосны, возле которой стоял Алексей. Дерево едва заметно содрогнулось.

Девушка отпустила красную нить. Та упала на землю и моментально слилась с опавшей хвоей, став неотличимой от сотен других сухих травинок. — Дыши, — велела она. — Обычным воздухом. Через нос. Считай до четырех.

Алексей вдохнул. Воздух обжег легкие, причиняя физическую боль. Он закашлялся, согнувшись пополам. Желчь подступила к горлу. Его вырвало желчью и какой-то черной слизью прямо на собственные ботинки.

— Нормально, — констатировала девушка, наблюдая за этим с профессиональным равнодушием врача. — Первая встреча всегда грязная. Организм избавляется от лишних воспоминаний, чтобы освободить место для инстинктов. Меня зовут Лада. — Алексей, — прохрипел он, размазывая грязь по лицу рукавом. Зубы стучали. — Знаю, — она вытащила из кармана фляжку, свинтив крышку зубами. — Пей. Маленькими глотками. Это спирт на кедровых орешках и девяти травах. Травы важнее спирта.

Жидкость обожгла пищевод, но тепло начало расходиться по венам, вымораживая остатки липкого ужаса. Мир вокруг постепенно обретал четкость. Воронка тумана исчезла. Река вернулась на свое место — спокойная, серая, равнодушная. Никакой воронки, никаких призраков в гимнастерках. Только закатное солнце наконец-то нашло брешь в кронах и окрасило воду в цвет старой меди.

— Что это было? — выдавил Алексей. — Привратник, — Лада села прямо на землю, скрестив ноги. Она смотрела на реку, и в ее профиле читалась вековая усталость.

— Нижняя стража. Проверяет, насколько крепко ты держишься за свое имя. Те, кто отпускают, остаются в архиве. Станут удобрением или пойдут кормить воронку. Тебе повезло. Обычно они не церемонятся с городскими. Слишком мягкие.

— Ты знала, что он там будет? — Я знала, что ты пойдешь туда один, игнорируя таблички, здравый смысл и предупреждение деда Егора, — она перевела взгляд на Алексея. Взгляд был тяжелым, оценивающим.

— Я шла за тобой от самой калитки. Думала перехватить у моста. Не успела. Ты слишком громко думал. Для них мысли — это маяк.

— Ты... местная? — Местнее некуда, — уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки, но тепла в ней не было. — Мой дом стоит на костях тех самых дезертиров. Кстати, твоя камера превратилась в хороший валун. Если спустишься к воде утром, увидишь. Отличный ориентир. Называется «Памятник глупости».

Алексей посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Мелкая моторика восстановилась, но ощущение реальности происходящего так и не вернулось. Всё казалось сном, затянувшимся бредом теплового удара.

— Зачем ты меня спасла? Лада пожала плечами, поправляя лямку вещмешка.

— Мне скучно. Читать в деревне нечего, кроме районной газеты за восемьдесят девятый год. А ты принес с собой целую библиотеку страхов. Это занимательное чтение. Кроме того... — она выдержала паузу, внимательно изучая реакцию Алексея.

— Ученый просил передать привет. Сказал, если придет блондин с дурацкой городской походкой, носки которого стоят дороже всей местной обуви, показать ему дневник. Кажется, ты любишь реальность достаточно крепко, чтобы она решила уйти от тебя сама.

Она достала из внутреннего кармана штормовки сложенную вчетверо тетрадь в дерматиновой обложке. Ту самую, которую Алексей видел на комодке в доме бабы Зины. Только теперь на обложке появилась новая надпись, сделанная простым карандашом поверх выцветшего инвентарного номера библиотеки. Надпись гласила: *«Глава вторая. Лагерь у тропы. Не забудь завязать инурки»*.

Почерк принадлежал Страшнову. Но дописана она была не далее как сегодня днем.

Лада бросила дневник Алексею на колени.

— Добро пожаловать в Лесную Реку, писатель. Первый акт бесплатен. Дальше придется платить памятью. Советую начать забывать таблицу умножения прямо сейчас. Семью семь — сорок девять. Попробуй выбросить это из головы до ночи. Иначе ночью придут за счетом.

Она поднялась, отряхнула ладони от приставших хвойных иголок и, не оглядываясь, двинулась в сторону деревни, ступая по тропе, которой минуту назад здесь не существовало. Красная нить мелькнула на ее щиколотке и скрылась в высокой траве.

Алексей остался сидеть у сосны. В лесу стремительно темнело. Где-то высоко, в безопасности крон, снова застучал дятел. Ровно. Метрономом. *Сорок девять. Сорок девять.*

Он попытался вспомнить, чему равно семь умножить на восемь. Мозг ответил идеальной, звенящей пустотой.

Глава 2. Лагерь у тропы.

Утро в Лесной Реке началось не с будильника, а с тишины. Алексей проснулся от того, что перестал слышать собственное дыхание. В городе он привык к фоновому гулу: далекой сирене скорой помощи, вибрации холодильника, бормотанию соседей за стеной. Здесь же звуковая волна просто обрывалась на пороге избы. Снаружи стояла плотная, осязаемая стена безмолвия, которая давила на барабанные перепонки сильнее любого шума.

Он сел на кровати. Спина ныла от провалившейся панцирной сетки, во рту стоял медный привкус вчерашнего страха и дешевого спирта Лады. Память работала странно. Алексей отчетливо помнил воронку тумана, шестипалую руку Тени и вкус желчи на губах. Но когда он попытался восстановить хронологию — сколько времени прошло между появлением девушки и его возвращением в дом, о чем они говорили по пути, запирали ли они дверь — там зияли провалы размером с Марианскую впадину. Остались только яркие, болезненные осколки ощущений.

Дневник лежал на табурете рядом с кроватью. Дерматиновая обложка была теплой. Алексей взял ее в руки, опасаясь, что текст снова изменился сам собой, но страницы казались девственно чистыми. Он пролистал желтоватую бумагу до конца. Последняя запись Страшнова датировалась прошлым месяцем и заканчивалась фразой: *«Они начали переписывать углы комнаты. Прямоугольники становятся острее. Если я забуду число Пи, потолок рухнет»*. Новых надписей карандашом не было.

Солнце еще не встало над деревней, но небо на востоке посерело, приобретая оттенок грязного льна. Алексей оделся, натянул тяжелые туристические ботинки, которые вчера показали Ладе предметом роскоши, закинул на плечо рюкзак. Внутри лежали пауэрбанк, бутылка воды, пара шоколадных батончиков и диктофон. Зажигалку он переложил в карман штанов. Огонь теперь казался ему единственным физическим законом, который этот лес пока не научился отменять.

Прежде чем выйти, он подошел к окну, выходящему на задний двор. Там, прислоненная к забору, стояла перевернутая лодка. Под ней мох рос правильными концентрическими кругами, пульсируя едва заметным бледно-зеленым светом. Фосфоресценция. Обычный биологический процесс гниения. Алексей заставил себя поверить в эту формулировку трижды, прежде чем она перестала звучать как издевательство.

Он вышел на улицу. Утренний холод тут же впился в шею. Деревня медленно просыпалась. Где-то далеко, за три дома, хлопнула дверь хлева. Потянуло дымом и парным молоком. Нормальная, земная жизнь текла параллельно тому ужасу, который ждал его за поворотом, и это соседство казалось самым пугающим во всей картине.

Алексей пошел не к реке, где вчера растворилась его камера, а в противоположную сторону — к старому лесу, куда, по словам деда Егора, уходили дезертиры сорок третьего года. Ему нужны были слухи. Живые человеческие сплетни, перевранные факты, пьяные откровения. То, из чего можно слепить каркас статьи, чтобы зацепить редактора. Страх страхом, но гонорар никто не отменял. Кроме того, рациональная часть его мозга требовала почвы под ногами. Если дед видел призрака — значит, у деревни есть коллективное бессознательное или источник галлюциногенной плесени в колодцах. И то, и другое отлично продается.

Тропа начиналась сразу за последним домом, возле полусгнившего сарая с намалеванным дегтем красным крестом. Это был не поселок, а именно рубеж. Граница миров. Как только Алексей ступил под кроны первых сосен, запахло иначе. Не утренней свежестью, а сухим спиртом, старым кострищем и влажной землей. Он шел быстрым шагом, пытаясь задавить остаточную тревогу ритмом движения. Справа тянулся глубокий овраг, заросший папоротником-орляком. Листья стояли неподвижно, хотя верхушки сосен над головой тихо поскрипы-

вали. Разница температур создавала иллюзию двух разных климатов на расстоянии вытянутой руки.

— Сорок девять, — вслух сказал Алексей, проверяя крепость психики. Голос прозвучал глухо, завязнув в паутине между ветками. Умножение давалось тяжело. Семью восемь? Мозг выдавал пустоту, которую стремительно заполнял образ черной тени. Он тряхнул головой. Так дело не пойдет. Нужен план.

План был прост: пройти по старой лесовозной дороге километра два, найти место старого лагеря (на военных картах времен СССР здесь значилась точка вырубки), поискать гильзы, ржавые консервные банки, остатки землянок. Любая находка станет доказательством для начала текста. А потом вернуться в деревню, найти местного охотника или егеря и разговорить его на тему «нехорошего места». Классическая схема.

Дорога вскоре превратилась в широкую просеку, заваленную валежником. Бульдозеры не ходили здесь лет двадцать. Природа методично затягивала шрамы, оставленные человеком. Алексей перешагнул через поваленную березу и замер. Впереди, метрах в тридцати, на самой границе света и тени, висел сизый табачный дым.

Сердце пропустило удар. Кто-то жег костер. Или курил. Алексей инстинктивно пригнулся, хотя прятаться было глупо — если там люди, он их спугнет, если нет... Что может сделать силуэт в тумане против городского журналиста, он уже выяснил вчера. Тем не менее тело сработало быстрее разума. Он шагнул за ствол толстой сосны, сливаясь с корой. Запах дыма усилился. Это был не современный табак с химическими ароматизаторами. Это была махорка — резкая, сладковатая, пробивающая носоглотку до слез. Запах войны, землянки и портянок. Алексей медленно достал камеру. Нет, не Nikon — тот покоился на дне реки в виде булыжника. Старый цифровой Olympus, купленный на барахолке для бытовых нужд. Дешевая оптика, шумная матрица. Зато щелчок затвора у него механический, громкий. Он сделал осторожный шаг вперед, обходя дерево. Поляна открылась внезапно. Идеально круглая проплешина в лесу, покрытая короткой, словно стриженной травой. Посреди поляны действительно тлели угли небольшого костра. Над ними на рогатине висел прокопченный жестяной чайник. Из носика тонкой струйкой выходил пар.

А вокруг никого не было. Ни следов обуви на мягком грунте, ни примятой травы. Только одинокий алюминиевый котелок, старый вещмешок защитного цвета, брошенный у корней вывороченного пня, и запах махорки, густой, как кисель. Алексей опустил камеру. Галлюцинация? Эффект предвзятости? Он знал, что ищет следы войны, вот подсознание и собрало пазл из доступных деталей. Сейчас развеется.

Вещмешок шевельнулся.

Это было движение настолько плавное и органичное, что на секунду показалось, будто ткань просто колышет сквозняк. Но ветра не было. Мешок дернулся снова, затем развязался сам собой — узел распустился мгновенно, словно кто-то невидимый потянул за концы веревки. Верхние клапаны откинулись. Из мешка полезла трава. Сухая осенняя полынь и зверобой. Она лезла плотной массой, игнорируя законы объема — огромный пучок растений выползал из маленького солдатского сидора. Трава складывалась сама в себе, формируя фигуру. Сначала плечи, затем сгорбленную спину, наконец — голову. Через десять секунд перед Алексеем стояло человекоподобное существо, целиком состоящее из переплетенных стеблей, сухих листьев и древесной коры. Ростом оно едва доставало Волкову до груди. Вместо глаз в черепе из обожженной древесины мерцали две тусклые зеленые точки, похожие на светлячков.

Существо наклонило голову набок. Звук, который оно издало, напоминал треск ломающихся веток. — Городской, — проскрипело оно. Слово сложилось из скрежета трущихся друг о друга волокон. — От тебя пахнет бензином и мертвыми буквами. Ты топчешь мой корень.

Алексей попятился, упираясь лопатками в ствол сосны. Камера выскользнула из вспотевших пальцев и повисла на ремешке. Логика кричала, что это фокус, аниматроника, чья-то

злая шутка. Но воздух вокруг существа дрожал от жара, исходящего от тлеющего костра, и этот жар имел четкую границу — ровно очерченный круг радиусом в полтора метра. За пределами круга трава оставалась покрытой холодной росой.

— Я не хотел, — голос Алексея сорвался на сип.

— Я ищу старых людей. Местных.

— Старых людей здесь нет, — отрезало существо. Оно сделало шаг вперед. При каждом движении из его суставов сыпалась сухая труха.

— Старые люди ушли в долгую воду. Те, кто остался снаружи, стали неудобными. Лес держит только тех, кто умеет забывать дорогу назад.

— Вы... леший? — слово вырвалось само, из детских сказок, прочитанных матерью. Существо издало звук, похожий на кашель туберкулёзника. Смех.

— У вас, грамотных, на всё есть бирки. Называй меня Хранителем Просеки. Я считаю шаги тех, кто идет мимо. Если сбиваешься со счета — становишься моим.

— Я умею считать, — зачем-то ляпнул Алексей.

— До какого числа? — заинтересовался Хранитель. Его глаза-светлячки вспыхнули чуть ярче.

— До ста можешь? — До бесконечности.

— Лжешь. Человеческая память конечна, как обойма. На двести сорок седьмом шаге ты начнешь путать лево и право. На пятисотом — забудешь имя матери. На тысяча пятьдесят четвертом твоя тень останется здесь, а ты пойдешь дальше куском мяса. Хочешь проверить?

Хранитель протянул узловатую ветку-руку. На месте ладони рос пучок красных ягод волчьего лыка. Смертельно ядовитых.

— Давай пройдем тысячу шагов вместе. Я буду называть цифры. Ты повторять. Ошибешься — подаришь мне свой левый глаз. Он стеклянный от рождения, тебе все равно не верит.

Волосы на затылке Алексея встали дыбом. Эта тварь знала. Знала, что правый глаз у него видит хуже левого после детской травмы, и левый берет на себя всю нагрузку. Знала анатомию.

— Мне нужно идти, — Алексей начал медленно скользить вбок вдоль ствола, стараясь не делать резких движений.

— Меня ждут в деревне.

— В деревне ждут только водка и кладбище, — Хранитель качнулся вперед.

— Останься. Попьем чаю. Чай из памяти. Очень крепкий. Выпьешь — вспомнишь, как умер твой отец.

Упоминание отца стало спусковым крючком. Холодная ярость плеснула в лицо, смывая липкий первобытный ужас. Алексей больше не играл в этнографа. Перед ним была хищная аномалия, маскирующаяся под фольклор.

— Мой отец жив! — рывкнул он, хватая первую попавшуюся палку с земли. Короткий, тяжелый сук дуба. — И считает лучше твоего!

Он замахнулся, целясь в центр грудной клетки существа, туда, где у человека находится солнечное сплетение. Палка со свистом рассекла воздух. Удар пришелся в пустоту. Хранитель рассыпался облаком сухой листвы прямо в воздухе. Листья закружились смерчем и втянулись обратно в землю, в корни деревьев. Костер погас мгновенно, словно залитый ведром воды. Пар из чайника исчез. Поляна стала обычной прогалиной, заваленной буреломом. Ни запаха махорки, ни следа от горячего воздуха. Только тяжелая, звенящая тишина.

Алексей стоял, сжимая бесполезную дубину, и пытался унять бешено колотящееся сердце. Сердцебиение отдавалось пульсацией в висках. Он посмотрел на свои руки. Они были целы. Глаз тоже никуда не делся.

— Хорошая реакция, — раздался спокойный женский голос справа. — Для писателя. Обычно вы хватаетесь за блокнот даже когда падает потолок.

Алексей развернулся так резко, что хрустнули шейные позвонки. Лада Морская сидела на том самом вывороченном пне, где минуту назад лежал вещмешок. Она сняла штормовку и осталась в одной фланелевой рубашке, закатанной по локти. На предплечье левой руки красовалась старая татуировка — спиральный лабиринт, точно такой же, какой он видел на наличниках в деревне. В руках она держала его дешевый Olympus и задумчиво рассматривала объект, вертя его пальцами.

— Он бы тебе глаз не взял, — сказала Лада, не поднимая взгляда. — Слишком много возни с калибровкой чужих органов. Хранители Просеки — они как таможенники. Им нравится пугать до мокрых штанов, но работают строго по протоколу. Ты нарушил границу стоянки. Он предложил штраф. Ты отказался платить памятью. Стандартная процедура деэскалации.

— Ты видела? — выдохнул Алексей. Во рту пересохло.

— Я всегда вижу, когда городские пытаются доказать лесу, что у них твердая рука, — она наконец посмотрела на него. Ее темные глаза сейчас казались абсолютно непроницаемыми, как речная вода на глубине трех метров.

— Ты зря бросил камень в воронку вчера. Теперь река считает, что ты ей должен форму. Поэтому Послезавтра, на закате, она попытается забрать твои очертания. Будет больно.

— Я ничего не бросал! — возмутился Алексей.

— Я еле ноги унес! — Ты швырнул фотоаппарат, — терпеливо пояснила Лада.

— Для реки форма предмета важнее его сути. Ей нужен был прямоугольник взамен утраченного куба твоей камеры. Баланс соблюден. Можешь жить еще двое суток.

Она прыгнула с пня. Движения у нее были кошачьими — бесшумными, экономными. Каждый шаг ставился идеально, не тревожа сухую веточку под ногой.

— Куда идешь? — спросила она, протягивая ему камеру. Рукоятка была ледяной.

— Искать лагерь дезертиров. По плану сегодня сенсации. Лада усмехнулась краем рта. — Сенсация одна, писатель. Ты всё ещё дышишь воздухом, который тебе не принадлежит. Ладно. Провожу. Одной тебе после встречи с Просечным нельзя — он обидчивый, обязательно поставит подножку в самый неподходящий момент. Вывих лодыжки — его любимый автограф.

Она пошла вперед, не дожидаясь согласия. Алексею ничего не оставалось, кроме как двинуться следом. Они углублялись в чащу всё дальше, удаляясь от безопасной просеки в сторону болотистых низин.

— Почему ты называешь себя Морская? — спросил Алексей, догоняя её.

— Тут моря нет на триста верст. Ближайшее — Белое, и то за Каргополом.

— Потому что вода везде одна, — ответила она, не оборачиваясь. — Та, что течет в реке, та, что в дожде, и та, что стоит в глазах утопленника. Имя должно держать воду. Иначе высохнешь. Станешь как те, на просеке — набором дров. Кстати, семь на восемь?

— Пятьдесят шесть, — автоматически отозвался Алексей и тут же похолодел. Он ведь не вспоминал. Ответ просто выпрыгнул из глотки, защищая хозяина. Рефлекс.

— Молодец, — кивнула Лада. — Держись за таблицу умножения. Это твой спасательный круг. Когда совсем придавит, умножай двенадцать на двенадцать. Помогает не сойти с ума при встрече с теми, кого забыли похоронить.

Тропа пошла под уклон. Земля стала мягкой, пружинистой, издававшей чавкающий звук при каждом шаге. Появился туман — низкие серые клочья цеплялись за голенища сапог. Воздух стал тяжелым, пахнущим метаном и гнилыми водорослями.

— Мы почти пришли, — сказала Лада останавливаясь.

— Слышишь?

Алексей прислушался. Сначала был только гул крови в ушах. Потом сквозь него прорезался другой звук. Тихий, монотонный, ритмичный. Шепот. Десятки голосов говорили одно-

временно, накладываясь друг на друга, создавая сплошной белый шум, в котором невозможно было разобрать ни слова. Но интонация была единой — просящей, голодной.

Шорох. Ветви перестали быть просто деревом. Каждая еловая лапа изгибалась вниз, тянуясь к людям тонкими, гибкими прутьями. Они не касались одежды, замирая в сантиметре от ткани, но продолжали тянуться, вибрируя от напряжения.

— Они знают твой тип дыхания, — шепотом произнесла Лада.

— Городские дышат жадно. Открытым ртом. Жрут кислород. Лес таких ест первыми. Дыши носом. Медленно. Представь, что вдыхаешь холодный металл.

Алексей послушно закрыл рот. Вдох через нос обжег гортань. Шёпот вокруг стал тише, словно разочарованно отступил на шаг.

— Вперед, — скомандовала Лада. — Не смотри под ноги. Там кости. Наступишь — останешься навсегда.

Они вышли на край обширной топи. Болота здесь не было видно — его скрывал плотный слой зеленого мха, пружинящего как дорогой матрас. Настоящий трясина-киллер, обманчиво красивая. А посреди этого зеленого савана возвышался остров. Метров десяти в диаметре, каменистый, свободный от растительности. Черные базальтовые валуны, уложенные неровным кругом. И там, среди камней, горел огонь. Маленький, синий, совершенно неестественный для сырого леса. Рядом с огнем сидел человек.

Он кутался в шинель, полы которой давно истлели и превратились в лохмотья. На голове — пилотка с выцветшей звездой. Человек медленно раскачивался взад-вперед, обхватив колени руками, и беззвучно шевелил губами. Лицо его было скрыто в тени козырька, но кожа на открытых участках шеи имела восковой, полупрозрачный оттенок.

— Один из них, — констатировала Лада. Она осталась стоять на твердой земле, не делая шага на мох.

— Застрял. Прошлую войну помнит, а свое имя забыл. Теперь ждет следующую, чтобы вспомнить цель.

— Он нас видит? — одними губами спросил Алексей. — Видит. Но мы для него — просто фон. Облака. Он смотрит сквозь время. Алексей поднял камеру. Вспышку включать бессмысленно — расстояние слишком велико, да и батарею надо экономить. Он выставил максимальное ISO, надеясь вытянуть хоть какое-то зерно вместо картинки. Навел фокус. В видеоискателе произошло движение. Человек в пилотке перестал раскачиваться. Он очень медленно, суставчато, как сломанная кукла, повернул голову в сторону берега. Звезды на пилотке блеснули металлом. Он открыл рот. На таком расстоянии звука слышно не было, но Алексей прочитал по губам одно единственное слово. Свое собственное имя. *Алексей*.

Палец нажал кнопку спуска. Щелчок затвора прозвучал в наступившей тишине как выстрел из гаубицы. Синяя искра огня на острове моргнула и погасла. Остров мгновенно погрузился в абсолютный мрак. А спустя секунду оттуда, из центра каменного круга, поднялся столб черного дыма. Он не рассеивался, а собирался в плотную вертикальную колонну, принимая очертания человеческой фигуры. Двухметровой, широкой, плоской. Без лица. Тень вернулась. И на этот раз она была не одна. Из-за каждого валуна на острове начали подниматься такие же силуэты — маленькие, большие, сутулые. Армия отсутствующих.

— Бежим, — коротко бросила Лада. Она схватила Алексея за рукав куртки и дернула назад, в чащу, прочь от болота. Они бежали, не разбирая дороги. Мозг отключил аналитику, оставив только инстинкты. Корни хватали за подошвы, ветки били по лицу, оставляя глубокие царапины. Позади, со стороны топи, нарастал низкий утробный гул. Не рев зверя и не вой ветра. Звук работающей мясорубки, перемалывающей пространство.

— Левее! — крикнула Лада. — К ручью! Вода собьет запах!

Они вылетели на берег узкого лесного ручья. Вода неслась быстро, перескакивая через гранитные уступы. Не раздумывая, Лада прыгнула в поток прямо в одежде и сапогах. Глубина оказалась по пояс.

— Сюда! Живо!

Алексей последовал за ней. Ледяная вода сковала ноги судорогой. Течение попыталось сбить его с ног, но Лада крепко держала его за воротник, буквально вытаскивая на другую сторону, на высокий каменистый берег.

Как только они оказались на сухом месте, Лада толкнула Алексея за толстый ствол кедра.

— Замри. Молчи. Даже если захочется петь — молчи.

Гул настиг их. Он прошел над ручьем тяжелой, осязаемой волной. Алексей почувствовал, как волосы на макушке физически приподнимаются от статического электричества. Воздух стал густым, дышать им было трудно, словно глотаешь жидкое стекло. Мимо, по той стороне ручья, пронеслись тени. Они не бежали по земле. Они скользили поверх мха, не оставляя следов, не нарушая покоя ни одной травинки. Процессия длилась около минуты. Сотни черных силуэтов промелькнули перед глазами, направляясь вглубь леса, к деревне. Последней шла самая высокая фигура. Она остановилась прямо напротив укрытия Алексея. Повернула свою безликую голову. Там, где должны были быть глаза, вспыхнули два фиолетовых пятна. Точь-в-точь как электросварка. Тень смотрела прямо сквозь кедр, прямо сквозь Алексея. Она подняла руку. Шестипалую, с длинными узловатыми пальцами. Медленно, демонстративно согнула средний палец, постучав им по своему гладкому лбу. *Помню*, — читалось в этом жесте.

— *Я помню тебя, городской. Твой счетчик включен.*

Затем фиолетовые огни погасли. Гул схлопнулся в точку и исчез. Лес снова наполнился обычными звуками: журчанием ручья, писком какой-то птицы и стуком собственного сердца в горле. Лада выждала еще минуту. Затем медленно выдохнула, выпустив облачко пара.

— Ушли. Сегодня праздник большой у них. Набег делают. Будут чистить окраины.

— Что это было? — прохрипел Алексей, сползая спиной по стволу кедра на влажную землю. Ноги отказывались держать.

— Призраки солдат? Демоны? — Это архив, — устало ответила Лада, садясь рядом прямо в мокрую хвою. Она выглядела изможденной. Рубашка на плече порвалась, обнажив край синего татуированного лабиринта, который теперь казался живой, пульсирующей раной.

— Люди думают, что смерть — это конец файла. А это просто перенос данных на другой сервер. Война забила диск до отказа. Непрожитые жизни, невыплаканные слезы, оборванные фразы. Река вскрыла хранилище. Теперь данные утекают. Те, кого ты видел на острове — это битые сектора. Они застряли между кластерами. А Тень — это системный администратор. Собирает мусор, дефрагментирует реальность.

— Зачем им мое имя? — Имя — это путь доступа. Root-права. Получив его, они могут зайти внутрь твоей файловой системы. Стереть не только прошлое, но и будущее. Сделать тебя таким же битым сектором. Ходячим сбоем, который будет вечно искать свое отражение в воде.

Она достала из кармана тряпичный сверток. Развернула. Внутри лежали сушеные грибы странной формы, похожие на человеческий мозг.

— На, пожуй. — Она протянула один Алексею. — Мухомор королевский. Голову просветляет. Поможет таблице умножения продержаться до темноты.

Алексей машинально взял гриб. Он был горьким и скрипел на зубах.

— Ты поэтому живешь здесь? — спросил он, глядя на черную воду ручья.

— Охраняешь границы архива? — Я живу здесь потому, что однажды забыла дорогу домой, — спокойно ответила Лада. Она вытащила из другого кармана моток красной шерстяной нити и начала ловко вязать узлы прямо на мокрой коре кедра.

— Меня нашли через неделю поисков. Говорили, что я пришла из леса, хотя ушла в магазин за хлебом. Я помню каждую секунду этой недели. Помню, как деревья учили меня

ходить заново. Помню вкус лишайника. А вот номер квартиры своей прошлой жизни я забыла напрочь. Иногда пытаюсь вставить ключ в щели, которых никогда не существовало. Она закончила вязать сложный морской узел и туго затянула нить.

— Всё, — сказала она, отряхивая ладони.

— Пока эта петля держится, ближайшие сто метров для Тени будут невидимыми. Купила нам час времени.

— Куда теперь? — Обратно в избу. Заваривать шиповник. И учить тебя дышать носом. Если хочешь написать статью и выжить, придется забыть половину журналистских привычек. Начни с любопытства. Оно воняет громче всего.

Лада поднялась, поправила лямки пустого рюкзака и шагнула обратно в чащу. Алексей остался сидеть еще на несколько секунд, ощупывая языком горькую мякоть гриба. Он посмотрел на свои руки. Под ногтями запеклась черно-зеленая грязь болота. На костяшках пальцев алели свежие ссадины. Он встал. Тело слушалось плохо, суставы ныли, как при гриппе. Но голова была пугающе ясной. Таблица умножения сидела в мозгу намертво: семью восемь — пятьдесят шесть. Девятью девять — восемьдесят один. Он обернулся, бросив последний взгляд на ручей. На том берегу, на камнях, где они только что стояли, снег. Первый, ранний сентябрьский снег ложился ровным слоем, мгновенно тая там, где должна была остаться лужа от их прыжка. Но снега не было ни на кронах деревьев над головой, ни на плечах самого Алексея. Только на том квадратном метре проклятой земли.

Реальность текла по швам. Алексей поправил лямку рюкзака и пошел вслед за удаляющимся шорохом шагов Лады Морской, стараясь ставить ногу ровно в её след.

Глава 3. Хранитель памяти.

Изба бабы Зины встретила их запахом озона и жженой полыни.

Когда Алексей вслед за Ладой переступил порог, он ожидал увидеть разгром — перевернутую мебель, разбитые окна, следы борьбы с той силой, что преследовала их от самого болота. Но внутри всё оставалось по-прежнему: скрипучие половицы, герань в горшках на подоконнике, покрытая слоем пыли железная кровать. Только воздух стал густым, тяжелым и наэлектризованным до такой степени, что волосы на затылке Алексея потрескивали при малейшем движении.

Лада сбросила мокрый рюкзак прямо у порога. Вода из сапог натекла темной лужицей, которая начала странно светиться изнутри тусклым багровым светом, прежде чем впитаться в рассохшиеся доски.

— Сядь, — коротко бросила она Алексею, кивнув на табурет. Сама же прошла к печи, открыла чугунную заслонку и принялась швырять внутрь пучки сухой травы, которые доставала из холщового мешка на поясе.

Трава вспыхивала неестественно ярким, почти белым пламенем, не давая ни дыма, ни копоти. По комнате поплыл запах грозы перед ударом молнии — резкий, очищающий, заставляющий слезиться глаза.

— Ты привел хвост, — сказала Лада, не оборачиваясь. Её голос звучал глухо из-за закрытой пасти печи. — Не злого, мелкого. Домовой окраинный прицепился. Думает, раз ты чужой, тебя можно пугать стуком по ночам. Сейчас выкурим.

Алексей молчал. Язык казался куском сухого картона. Встреча с «архивом» на болоте выпила из него всю энергию, оставив только звенящую пустоту и пугающую ясность мысли. Он смотрел на свои руки. Кожа на костяшках была содрана до крови, но раны уже не саднили. Они просто существовали как факт, словно принадлежали манекену.

Лада захлопнула заслонку. Багровые отсветы погасли. Она подошла к старому комоду, выдвинула верхний ящик и вытащила оттуда дневник Страшнова. Тот самый, который вчера сам собой открылся на странице про московскую квартиру Алексея.

— Держи, — она бросила книгу на стол. Кожаный переплет глухо ударился о дерево. — Читай. Только руками страницы не лапай. Бумага там тонкая, пропитана солью мертвого моря. Обожжет пальцы кислотой.

Дневник выглядел старым. Слишком старым для записей человека, исчезнувшего всего несколько десятилетий назад. Корешок потрескался, кожа пошла глубокими морщинами, а металлические уголки окислились до состояния зеленоватой патины. Алексей осторожно придвинул стул и открыл обложку.

Первое, что он почувствовал — холод. От страниц тянуло могильным сквозняком, температурой погребя. Пахло йодом, старой медью и почему-то жженым сахаром.

Текст начинался без предисловий, дат или заголовков. Тонкие, бисерные буквы были выведены чернилами цвета венозной крови. Почерк был нервным, наклоненным под углом в сорок пять градусов, строки то взлетали вверх, то падали вниз, ломая линейность листа.

«14 марта. День первый после инициации. Река приняла форму куба. Это хорошо. Куб легче держать в подвале, чем сферу. Объем пространства стабилен. Температура воды держится на отметке +4 градуса Цельсия вне зависимости от времени года. Это константа перехода. Если нагреть — схлопнется. Если заморозить — станет стеклом. Я пытался объяснить это участковому. Участковый теперь состоит из воды на девяносто процентов. Его форма плаща висит на заборе. Очень аккуратно висит».

Алексей поднял взгляд на Ладу. Та сидела на корточках у печи, протирая охотничий нож пучком сухой крапивы. Движения её были механическими, отрешенными.

— Что значит «состоит из воды»? — хрипло спросил Алексей.

— То и значит, — ответила она, не поднимая головы. — Страшнов искал способ остановить энтропию. Решил, что если найти первокирпичик реальности, из которого лепится человек, его можно переклеить. Нашел. Кирпичик оказался жидким. И очень голодным.

Он снова уткнулся в текст, перелистнув страницу пальцами, стараясь касаться только полей. Буквы на следующей странице изменились. Они стали крупнее, агрессивнее, некоторые слова были продавлены так сильно, что прорвали бумагу насквозь.

«2 июня. Формула тонкой границы. Время — это не прямая. Это спираль, намотанная на ось реки. Мы движемся вдоль витков. Чтобы продлить один виток (одну ночь), нужно создать узел. Узел требует якоря. Якорем служит память. Свежая, горячая, еще не остывшая память живого человека.

Рецепт:

1. Взять предмет, имеющий форму правильного многогранника (куб предпочтительнее). Наполнить его речной водой в час, когда тени длиннее тел.

2. Опустить в воду локон волос того, чье время нужно украсть. Волос должен быть вырван с криком. Боль фиксирует частоту.

3. Добавить три щепотки соли. Соль должна быть добыта из слез вдовы, потерявшей мужа менее сорока дней назад. Если слезы недостаточно соленые, ритуал заберет зрение вместо времени.

4. Читать формулу инверсии задом наперед, глядя на собственное отражение в воде. Внимательно следить за левым глазом отражения. Если моргнет раньше правого — бежать».

Алексей сглотнул. Сухость во рту стала невыносимой. Это было не просто безумие сумасшедшего ученого. Это была точная, выверенная инструкция по каннибализму реальности. Страшнов не изучал фольклор, он препарировал законы физики, используя человеческие страдания в качестве реагентов.

— Зачем ему это? — спросил Алексей. — Продлевать одну ночь? Ради бессмертия?

— Нет, — Лада наконец воткнула нож в столешницу. Дерево тихо застонало. — Ему нужна была одна конкретная ночь. Говорят, у него здесь осталась дочь. Девочка сгорела заживо в этом доме тридцать лет назад. Ошибка пьяного печника. Искра вылетела из трещины. Страшнов тогда работал в районе, измерял радиационный фон. Вернулся к уголькам. Он хотел вернуться в ту ночь. Всего на пару часов. Успеть закрыть заслонку. Или хотя бы посмотреть ей в глаза, пока они не лопнули от жара.

Лада говорила ровно, монотонно, но её пальцы, сжимающие рукоятку ножа, побелели от напряжения.

— Проблема в том, что река ничего не дает даром. Закон сохранения массы работает везде. Хочешь растянуть секунду своего счастья — возьми год жизни у кого-то другого. А лучше — десять. Собери побольше чужих имен, свяжи их узлом, сожги их лица в своей памяти, чтобы согреть свою одинокую ночь.

Она встала, обошла стол и нависла над плечом Алексея. От неё пахло дымом, потом и дикой мятой.

— Листай дальше, — велела она. — До главы «Сдача нормативов».

Алексей послушно перевернул страницу. Бумага здесь была другой — плотной, глянце-вой, похожей на пластик. Чернила на ней высохли бурой коркой. Текст шел вкривь и вкось, заполняя даже поля.

«Они начали отвечать. Сегодня приходили трое. Стояли за окном. Форма расплывчатая, лиц нет, но погоны различимы. Капитан и два рядовых. Сорок третий год. Ждут приказа. Я сказал им, что приказа не будет. Война закончилась. Они спросили, какое сегодня число. Я соврал. Сказал, что первое января. Они поверили. Ушли строить ледяную переправу через крыльцо.

Я собрал достаточно материала. Три банки со временем. Семнадцать забытых детских имен. Один зуб мудрости старухи Игнатьевны (она все равно его выплюнула).

Завтра ночью я открою шлюз. Я вернусь в июль. В тот день, когда мы собирали землянику за баней. Яблоки-дички били нас по головам. Нужно успеть поймать момент до дождя. Если пойдет дождь, формула растворится.

Главное — не забыть выпить отвар забвения ДО того, как войдешь в круг. Если останешься в полном сознании, Тень архива примет тебя за бракованный файл. Вырежет нервную систему и оставит бродить по лесу, считая собственные шаги до бесконечности».

— Отвар забвения, — повторил Алексей, отрываясь от чтения. — Мухоморы?

— Белена, дурман и толченное стекло, — поправила Лада. — Чтобы мозг вскипел и осыпался пеплом. Страшнов понимал: если помнить себя целиком, переход разорвет душу. Нужно стать полым. Тогда река пропустит тебя сквозь мембрану времени, как вода пропускает пузырь воздуха.

Внезапно дневник дернулся под рукой Алексея. Сквозняк в избе поменял направление — теперь он дул не от окна к двери, а снизу вверх, от подпола к потолку. Буквы на открытой странице начали медленно оплывать, превращаясь в черные тягучие капли. Они стекали вниз, образуя на чистой следующей странице новый рисунок.

Это была карта. Схематичный набросок деревни Лесная Река, выполненный дрожащей рукой. В центре стоял дом бабы Зины. От него расходились концентрические круги. На самом дальнем круге, глубоко в лесу, стояла жирная точка, помеченная крестом. Рядом шли расчеты углов и азимутов.

— Лаборатория, — выдохнула Лада. — Старая земская управа. Там каменные подвалы. Идеальный куб для фиксации пузыря времени. Он построил машину из костей леса.

Карта на странице мигнула. Жирный крест начал пульсировать красным светом, совпадая с ритмом ударов сердца Алексея. *Бух-бух. Бух-бух.* Звук отдавался в столешницу, в ножки стула, в саму землю под фундаментом избы.

— Он оставил нам приглашение, — прошептала Лада. — Или наживку.

Алексей попытался захлопнуть книгу, но пальцы не слушались. Кожа обложки вдруг стала мягкой, податливой, как разогретый воск. Она начала затягивать ладонь внутрь, проникая между пальцами, обжигая не жаром, а абсолютным нулем.

— Морская! — прохрипел Алексей, пытаясь вырвать руку. — Помоги!

Лада не двинулась с места. Она смотрела на борьбу человека с книгой абсолютно спокойно, скрестив руки на груди.

— Борись сам, писатель, — сказала она. — Это проверка доступа. Книга чувствует твой страх. Страх для неё — это открытое окно. Влей туда злость. Скажи ей, что твои воспоминания воняют дешевым кофе и тебе не жалко ими делиться, потому что они фальшивые. Архив ненавидит подделки.

Алексей зажмурился. Паника парализовала волю. Он чувствовал, как бумажная масса ползет выше по запястью, как холодный типографский запах заполняет легкие.

И тут вспышкой пришла мысль о редакторе. О толстом, потном мужике в кабинете с окнами на Садовое кольцо, который требовал «эксклюзива с гнильцой», прихлебывая латте с кокосовым молоком. Вспышка чистого, незамутненного презрения.

— Да подавись, — вслух процедил Алексей.

Он перестал тянуть руку на себя. Вместо этого он резко расслабил кисть и всей массой тела ударил ребром ладони по переплёту, вбивая захваченную руку глубже, а затем совершая крутящее движение, словно выламывал рычаг.

Раздался влажный хруст. Не сломанной кости, а разрываемой плоти.

Книга взвизгнула. Высокий, ультразвуковой звук, от которого зазвенела люстра под потолком, а стекла в окнах пошли сеткой мелких трещин. Черная субстанция отпрянула от

руки Алексея, втягиваясь обратно под обложку. На коже остался белый, идеально ровный отпечаток шестеренки — след ожога, где каждая линия была словом, которое он успел прочитать.

Алексей рухнул на пол вместе со стулом, тяжело дыша. Левая рука онемела и пульсировала тупой болью. На столе дневник лежал неподвижно. Обложка снова стала твердой, старой кожей. Никакой карты. Никаких подтеков. Только девственно-чистая страница.

Лада подошла ближе. Наклонилась, взяла его за подбородок двумя пальцами и бесцеремонно осмотрела лицо.

— Зрачки одинаковые, — констатировала она. — Рефлексы есть. Руку подними.

Он поднял правую руку. Левую пришлось помочь поднять второй рукой — плечо отказывалось работать.

— Нейропатия временная, — вынесла вердикт Лада. — Пройдет к вечеру. Или нет. Как повезет. Добро пожаловать в клуб читателей, Алексей. Теперь библиотека знает твой почерк.

Она отошла к печи, достала из-за кирпичей граненый стакан и мутную бутылку без этикетки. Налила прозрачную жидкость, остро пахнущую анисом и спиртом.

— Пей. Два глотка. Это не поможет руке, но склеит края твоей личности. Ты сейчас немного рассыпался, когда орал на книгу.

Алексей принял стакан. Стекло лязгнуло о зубы. Жидкость обожгла пищевод, прокатилась горячей волной до желудка и там взорвалась фейерверком. Мир вокруг мгновенно приобрел плотность. Цвета стали ярче, звуки — четче. Онемение в руке начало отступать, сменившись тысячей иголок.

— Спасибо, — просипел он, возвращая стакан.

— Не благодари, — Лада убрала бутылку. — Я спасаю не тебя. Я спасаю статью. Редактор расстроится, если главный герой превратится в набор цифр на первой странице.

Она села обратно на свой стул, положив ногу на ногу. Резиновый сапог оставлял грязный след на чистом полу.

— Суть проста, — продолжила она, глядя куда-то сквозь стену. — Страшнов нашел способ обмануть смерть. Не жить вечно, а именно обмануть. Поставить подножку секундомеру. Для этого нужен аккумулятор колоссальной емкости. Таким аккумулятором является место массового горя. Война — идеальный вариант. Кровь ушла в песок, песок стал магнитом. Он выстроил в старых подвалах управы контур. Медные шины, впаянные в известняк. Сердечник из черепов тех самых дезертиров.

— Зачем? — спросил Алексей. Голос вернулся, став низким и бархатным от алкоголя. — Зачем продлевать одну ночь?

— Потому что время нелинейно, — терпеливо объяснила Лада, словно учительнице тупому ученику. — Оно идет рывками. Между рывками есть щели. Микропаузы. Страшнов научился ставить распорку в эту щель. Когда мир делает следующий шаг вперед, его лаборатория остается в предыдущей секунде. Внутри пузыря — вечное лето. Вечный вечер того дня. Но чтобы поддерживать купол, нужны жертвы. Постоянный приток свежего времени. Каждые семь лет, когда звезды сходятся нужным образом, Река пересыхает настолько, что обнажается кабель заземления. Купол расширяется. Захватывает окраины. Те, кто попадает в зону расширения, теряют память — их время высасывается в батарею лаборатории. А те, чьи имена записаны в главном реестре... — она постучала ногтем по обложке дневника, — ...они приходят сами. Их зовут. Им обещают вернуть украденное. Отец получит сына, жена — мужа. На одну ночь. А утром обнаружат, что отдали ради этой встречи всё остальное свое прошлое.

Лада замолчала. В углу избы что-то зашуршало. Домовой, которого она выкуривала травой, видимо, прятался за сундуком и теперь решил напомнить о себе, уронив моток шерсти.

— Ритуал повторить нельзя, — внезапно жестко сказала Лада, поворачиваясь к Алексею. Глаза её потемнели до цвета старого гудрона. — Записи в книге — это ловушка для дураков. Формула написана с ошибкой. Намеренной. Любой городской идиот с дипломом химика, про-

читав это, захочет славы. Он спустится в подвал, смешает соль со слезами, начнет читать задом наперед...

— И что случится? — подался вперед Алексей.

— Получит свою продленную ночь, — усмехнулась Лада, и улыбка сделала её лицо хищным, почти нечеловеческим. — Ровно двенадцать часов абсолютного кайфа. Он сможет разговаривать с мертвыми, менять прошлое, дышать под водой. А на тринадцатом ударе часов кислота, которой пропитан текст книги, вступит в реакцию с его слюной. Кожа сойдет лоскутами за минуту. Кости станут мягкими, как вареная рыба. Он не умрет. Он просто вытечет из собственной кожи на пол студенистой массой, сохранив при этом полное, кристально чистое сознание. И будет валяться в темноте годами, чувствуя, как крысы отгрызают ему уши. Потому что Тень архива не любит самозванцев. Вход в архив стоит дорого. Платить нужно не памятью. Платить нужно формой. Своей собственной геометрией.

Она поднялась. Подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном окончательно рассвело, но солнце казалось мутным пятном, затянутым молочной пленкой.

— Страшнов знал это, — тихо сказала она в стекло. — Поэтому он пил отвар. Он выжиг себе память добровольно, превратившись в чистый лист. Пустая флешка. Река таких не ест сразу, пробует на вкус долго. Он купил себе лишние годы, гуляя по краю ямы. Но яма всегда шире шага.

Лада отвернулась от окна. Её лицо снова стало непроницаемой маской.

— Одевайся теплее, — приказала она. — Пойдем показывать тебе главную достопримечательность.

— Куда? — насторожился Алексей.

— В лабораторию, — просто ответила Лада. — К тому самому кресту на карте. Черепа дезертиров должны неплохо смотреться в кадре твоего фотоаппарата. Раз уж статья всё ещё пишется, нужно давать фактуру. Только учти: внутри круга время течет иначе. Каждая минута там — это примерно неделя голода здесь. У нас есть около часа реального времени, прежде чем твоя печень решит, что тело умерло. Иди собери аптечку. И выброси зажигалку. Огонь в замкнутом контуре ведет себя непредсказуемо. Может превратить тебя в плазму.

Она вышла в сени, громко хлопнув дверью. Щеколда опустилась сама собой, отрезая путь к отступлению.

Алексей остался сидеть на полу. Он посмотрел на свою левую руку. Белый отпечаток шестеренки на коже медленно наливался синевой, становясь похожим на сложную схему микросхемы. Он поднес руку к лицу. Металлический привкус во рту усилился. Где-то глубоко в мозгу, в секторе, отвечающем за базовую математику, щелкнул невидимый переключатель.

Четыре умножить на четыре. Шестнадцать.

Но рядом с этим ответом возник другой. Холодный, точный, написанный кровью на внутренней стороне века.

Семью восемь — цена входа.

Он поднялся, пошатываясь. Реальность больше не текла по швам. Она трещала, как сухое стекло под ногами.

Глава 4. Шорохи у дома.

Солнце село за лесом неестественно быстро, словно кто-то наверху просто задвинул тяжелую бархатную штору. Сумерки в Лесной Реке длились недолго — буквально десять минут вязкой, лиловой полутьмы, после которых наступала абсолютная, осязаемая чернота.

Алексей сидел за столом при свете керосиновой лампы, которую раздобыла Лада перед тем, как уйти к себе на другой конец деревни. Стекло лампы было старым, неровным, и пламя внутри него постоянно подрагивало, отбрасывая на бревенчатые стены пляшущие тени. После визита в лабораторию Страшнова прошло около четырех часов реального времени, но Алексею казалось, что минули сутки. Отпечаток шестеренки на левой руке перестал быть просто ожогом; теперь это место пульсировало в такт ударам сердца холодным синим светом, едва заметным сквозь рукав рубашки.

Он пытался работать. На столе лежал блокнот, дешевая шариковая ручка и диктофон. Но писать о фольклорных мотивах или «нехороших местах» не получалось. Любое слово, касающееся бумаги, казалось фальшивым. Факты были слишком громоздкими для газетного очерка: спрессованное время, люди из мха, системный администратор архива с шестипалой рукой. Редактор сожжет такой текст вместе с автором.

Отложив ручку, Алексей встал и подошел к окну.

Стекло было ледяным, хотя печь протопили всего час назад. Он прижался лбом к холодной поверхности, пытаясь разглядеть тропинку. Снаружи висел туман. Не обычный утренний пар над рекой, а плотная, шевелящаяся белесая масса, которая облизывала стекла первого этажа, оставляя на них влажные, слизистые разводы. Видимость ограничивалась пятью метрами. Дальше всё тонуло в молочной пустоте.

Именно оттуда, из этой пустоты, пришел первый звук.

Тук.

Глухой, тяжелый удар по внешней стене дома.

Алексей замер. Сердце пропустило удар, а затем рухнуло куда-то в желудок, забившись там пойманной птицей. Это не был треск дерева от перепада температур. Звук имел четкую геометрию. Кто-то целенаправленно ударил в бревно тяжелым тупым предметом. Примерно на уровне его головы.

— Крыса? — вслух спросил Алексей сам у себя. Голос прозвучал жалко, сорвавшись на высокой ноте. — Барсук?

Чтобы доказать себе собственную смелость, он заставил себя подойти к печи. Кочерга стояла в углу. Тяжелый кусок витого железа. Хороший аргумент против любого барсука. Алексей взял её, чувствуя, как ладони мгновенно вспотели. Металл показался странно мягким, почти пластилиновым под пальцами.

Он вернулся к окну.

В тумане ничего не двигалось. Стояла та самая звенящая тишина, которая бывает только в склепах. Алексей постоял еще минуту, убеждая себя, что дом старый, древесина сохнет, дает усадку, звуки естественны.

Шурх-шурх. Скрррип.

Звук шел уже не снаружи. Теперь он раздавался прямо над головой, на чердаке.

Кто-то медленно, очень аккуратно волок по доскам тяжелый мешок. Или тело. Песчинки сыпались через щели в потолке прямо на клеенку кухонного стола. Одна упала Алексею на щеку. Она была теплой и пахла озоном — точно так же, как воздух после удара молнии.

Страх сменился глухим, иррациональным раздражением. Этот лес играл с ним, как кот с мышью. Сначала пугает призраками, потом швыряет дневники, теперь изображает классический хоррор-аттракцион со скрипами в ночи. Хватит.

Алексей перехватил кочергу поудобнее, перехватив её ближе к концу, чтобы размах был шире, и решительно направился к входной двери. Если там стоит медведь или пьяный местный шутник — пусть пеняет на себя. Ему нужен был контакт. Настоящий, физический ужас, который можно потрогать, разбить лицо, сломать нос. Что-то материальное, что вернет миру плотность.

Щелкнула железная щеколда. Дверь открылась с натужным скрипом, выпуская наружу узкую полоску желтого света и глоток сырого, холодного воздуха.

На крыльце никого не было.

Плотный слой тумана скрывал ступени целиком. Казалось, если сделать шаг вперед, то нога провалится в никуда. Алексей стоял на верхней ступеньке, сжимая кочергу, и вслушивался.

Справа, из-за угла дома, где находилась пристройка-сени, донесся отчетливый звук шагов.

Хлюп. Хлюп.

Мокрые босые ноги ступали по грязи. Медленно. Размеренно. Словно идущий никуда не торопился. Он обходил дом по периметру.

Алексей занес ногу, чтобы спуститься, проверить, поставить точку в этом спектакле. И в этот момент лампочка в сенях лопнула с тихим хлопком «пф-ф». Комната погрузилась во тьму, освещаемая только тусклым багровым мерцанием из жерла печи.

И тут страх наконец догнал его. Не липкий, панический ужас болота, а холодный, профессиональный, расчетливый инстинкт выживания.

Он захлопнул дверь. Задвинул массивную щеколду. Железо лязгнуло громко, отрезая внешние звуки. Наступила тишина.

— Хорошо, — прошептал Алексей, прислоняясь спиной к двери. — Сидим дома. Играем в крепость.

Он прошел обратно в комнату. Печь давала достаточно света, чтобы видеть очертания мебели. Алексей поставил кочергу рядом с креслом, сел и попытался взять себя в руки. Нужно дышать. Вдох на четыре счета, выдох на шесть. Как учила Лада. Нос втягивает холодный металл...

Бум-м-м.

Вся избушка содрогнулась. Удар пришелся ровно в центр фасадной стены, прямо под подоконником. Будто великан со всей дури врезал огромным тараном. Со стола полетела на пол алюминиевая кружка. Керосинка качнулась, фитиль зацадил, выбросив струйку копоти.

Дом дышал.

Алексей понял это внезапно, глядя на стену напротив. Бревна. Они никогда не бывают идеально статичными, но сейчас они *двигались*. Огромные вековые сосны, сложенные в венец, медленно расширялись и сужались. Щели между ними то сходились на сантиметр, то расходились, обнажая черную подкладку утеплителя. Избушка бабы Зины работала гигантскими мехами. Она вдыхала туман снаружи и выдыхала внутрь запах гнили и сладковатый аромат тлена.

— Так не бывает, — сказал Алексей в пустоту. — Дерево не может сокращаться. Это мышцы.

Стена слева от него начала прогибаться внутрь. Медленно, плавно, словно сделанная из толстой резины. Обои с выцветшими розами пошли складками. Гвоздь, на котором висела старая фотография хозяев (мужчина в кепке и женщина с ребенком), выскочил из дерева с сухим треском. Рамка упала лицом вниз.

Алексей вскочил. Ноги стали ватными. Он схватил кочергу.

Стена продолжала движение. Теперь она напоминала спину огромного зверя, который пытается пролезть в тесную конуру. Между бревнами выступила густая, черная жидкость, похожая на деготь. Она капала на пол, прожигая в краске ровные круглые дырочки с шипением.

— Я уйду! — крикнул Алексей, выставляя кочергу перед собой, как распятие перед вампиром. — Слышишь?! Завтра же утром! Я сожгу твой дневник! Только прекрати!

Движение остановилось.

Спина зверя замерла. Черная жижа перестала течь. На секунду воцарилась идеальная геометрия — стена снова стала плоской, углы вернулись к девяноста градусам.

А затем бревна начали стонать. Низкий, утробный звук, переходящий в инфразвук. Зубы заныли, пломбы в дальних зубах отозвались острой болью. Дом вибрировал всем своим фундаментом.

Алексей понял: это не предупреждение. Это оценка. Лес проверял его предел прочности. Сколько страха можно выжать из одного городского жителя, прежде чем тот начнет размазывать слюни по полу? Судя по вибрации — много.

Кочерга вдруг стала невыносимо тяжелой. Алексей посмотрел на свои руки и похолодел. Железо начало деформироваться. Витой стержень оплывал, как восковая свеча, стекая густой серебристой лужицей на половицы. Тепла не было. Был процесс распада материи под давлением чужеродной воли. Через пять секунд в его руках осталась лишь короткая, острая игла длиной в палец, покрытая черной слизью. Всё остальное впиталось в доски пола.

— Понятно, — прохрипел Алексей. — Физическое воздействие отклонено.

Он бросил бесполезную иглу. Та воткнулась в дерево вертикально, войдя на три сантиметра, словно выстреленная из ружья.

Нужно менять тактику. Если физика здесь подчиняется правилам сна, значит, нужно действовать правилами сна. Не бежать. Не прятаться. Наблюдать.

Он отошел от дышащей стены подальше, к печи. Сел на табурет, положил руки на колени ладонями вверх. Демонстрация открытости.

— Я слушаю, — сказал он тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты хочешь, чтобы я остался. Я останусь. До утра. А завтра мы поговорим с твоей Морской. Договорились?

В ответ стена за его спиной издала звук, похожий на мокрый поцелуй.

Алексей резко обернулся.

Обои исчезли. Вместо них была сплошная гладкая поверхность цвета сырого мяса, покрытая сеткой синих вен. По ней пробегала судорога. Прямо по центру, на уровне глаз, начала формироваться впадина. Две темные ямы, окруженные складками плоти.

Глазное яблоко.

Огромный, мутный, слепой белок уставился на Алексея. Зрачка не было — только пульсирующая радужка фиолетового цвета. Тот самый свет электросварки, который он видел у Тени на болоте. Дом и Тень больше не были разными сущностями. Дом был её телом, раковиной, пищеварительным трактом.

Глаз моргнул. Третье веко — полупрозрачная пленка — скользнуло сверху вниз, увлажняя роговицу каплями черной жидкости.

Одна такая капля сорвалась вниз и полетела прямо в лицо Алексею. Время замедлилось. Он видел каждую переливающуюся грань этого смоляного шарика размером с вишню.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Алексей нырнул под стол, перекатываясь через плечо.

Капля ударила в то место, где он только что сидел. Раздался звук, с которым падает кусок сырого мяса на разделочную доску. Там, где попала жидкость, линолеум пошел пузырями, закипел и начал стремительно растворяться, обнажая гнилые доски перекрытия. Древесина истлевала на глазах, превращаясь в рыжую труху.

— Химическая реакция, — пронеслось в голове у Алексея. — Агрессивная среда.

Он пополз на четвереньках вдоль плинтуса, огибая комнату по периметру, держась подальше от стен. Глаз следил за ним, поворачиваясь в орбите с тихим чавканием. Где-то под полом, в фундаменте, заработали насосы. Сотни невидимых поршней начали качать черную жижу. Она хлынула из всех щелей одновременно — из-под плинтусов, из розетки, из замочной скважины входной двери.

Пол покрылся тонким слоем кислоты. Она не горела, нет. Она *переваривала*. Ботинки Алексея начали дымиться по краям подошвы.

Выхода не было. Дверь заперта снаружи на щеколду, которая теперь превратилась в часть живой ткани — костяной нарост. Окна затянуты туманом, который, судя по плотности, состоял из чистого желудочного сока.

Алексей уперся спиной в ножку тяжелого дубового буфета. Единственный островок стабильности в комнате, плавящейся заживо. Он вытащил из кармана штанов коробок спичек. Обычные серные спички из сельмага. Его единственное оружие.

— Эй! — крикнул он, поднимаясь на колени. — Тебе нравится вкус памяти? На, подавись!

Он чиркнул спичкой о коричневый бок коробка. Искра вспыхнула неожиданно ярко, болезненно резанув по привыкшим к полумраку глазам. Маленький желтый огонек затрепетал на сквозняке.

Алексей швырнул горящую спичку не в глаз на стене, а в лужу черной жижи у своих ног.

Эффект превзошел все ожидания.

Жидкость не загорелась. Она взорвалась.

Синий химический огонь мгновенно охватил весь периметр комнаты. Полыхнуло так жарко, что волосы на голове Алексея затрещали. Воздух наполнился запахом жженных волос и раскаленного озона. Кислотная лужа выгорела за долю секунды, оставив после себя лишь белый пепел, похожий на соль.

Дом взвыл.

Это был звук тысячи сирен, пропущенный через мясорубку. Стены выгнулись дугой наружу. Глаз на стене лопнул, разбрызгивая вокруг себя фонтаны гноя и крови. Кровь была настоящей, человеческой, группы АВ, с высоким содержанием лейкоцитов — мозг Алексея почему-то зафиксировал именно эту клиническую деталь, пока он закрывал голову руками от ливня из биологических жидкостей.

Всё прекратилось так же внезапно, как началось.

Раздался звук рвущейся ткани. Давление исчезло. Стены рухнули обратно на фундамент с грохотом падающих декораций.

Алексей поднял голову.

Комната выглядела абсолютно нормальной. Старая деревянная изба. Потертый линолеум цел, обои висят ровно, никаких глаз, никакой слизи. Только в воздухе висел густой запах озона, да правое ухо пронзительно звенело от акустического удара.

Он медленно поднялся. Ноги не держали. Колени подгибались. Он сделал шаг к столу и оперся о него рукой, чтобы не упасть.

Под ладонью что-то хрустнуло.

Алексей посмотрел вниз.

На старых пожелтевших газетах, которыми был застелен стол, лежала красная шерстяная нить. Сложная конструкция из пяти переплетенных узлов. Макраме. Такие плетут дети в лагерьях. Узлы были тугими, свежими, пропитанными чем-то жирным.

Лада.

Она сказала, что связывает петли вокруг дома, чтобы скрыть их от Тени. Эта петля предназначалась ему. Предупреждение. Или клеймо.

За окном посветлело. Мгла отступала, неохотно отползая в лес. Наступал серый, безжизненный рассвет.

Алексей доковылял до кровати и упал поверх одеяла, даже не сняв ботинок. Сон навалился бетонной плитой, вымораживая сознание. Последней мыслью, пробившейся сквозь толщу усталости, была формула из дневника Страшнова.

«Если ты любишь реальность слишком крепко, она от тебя уйдет...»

Реальность ушла. Оставив вместо себя картонный макет, который чуть не переварил его заживо несколько минут назад.

Его разбудил стук.

Не шорох, не дыхание стен, а сухой, уверенный, человеческий стук костяшками пальцев в стекло.

Алексей подскочил на кровати. За окном было уже светло — часов одиннадцать утра. Солнце пыталось пробиться сквозь низкие облака.

Он посмотрел на часы. Механические «Победа», подарок отца. Стрелки стояли на месте. Четыре часа двадцать минут. Именно в то время вчера раздался первый удар в стену. Завод кончился? Или время отказалось идти дальше?

Стук повторился. Три удара. Четкие. Требовательные.

Сердце снова прыгнуло к горлу, но на этот раз Алексей задавил панику. Он встал, пошатываясь. Во рту стоял привкус меди. Под ногами скрипели обычные, сухие половицы. Никакой слизи. Линолеум цел. Он наклонился посмотреть на место, где ночью сгорела кислота. Светлое пятно. Ни пепла, ни соли. Ничего.

Галлюцинация? Массовый психоз? Спорынья в хлебе?

Стук в третий раз. Более нетерпеливый.

Алексей подошел к окну, отдернул занавеску.

Там, внизу, прямо под окном, стояла Лада Морская. На ней была чистая рубаха, волосы заплетены в косу. В одной руке она держала эмалированное ведро, полное грибов, в другой — моток той самой красной нити.

Её лицо было абсолютно спокойным. Когда их взгляды встретились через стекло, она едва заметно кивнула, указывая подбородком на входную дверь.

Алексей открыл форточку. Холодный воздух обжег легкие.

— Что это было? — просипел он.

— Доброе утро, писатель, — спокойно ответила Лада. — Ты кричал во сне. Я пришла проверить, не вытек ли ты в трубу. Открывай, будем завтракать. И зашнуруй свои узлы правильно, а то ходишь развязанный, всякая дрянь цепляется.

Она повернулась и пошла к крыльцу, совершенно игнорируя тот факт, что должна была находиться в трех километрах отсюда, а ее следы на влажной земле должны были объяснить ночное землетрясение.

Алексей смотрел ей вслед. На спине её рубахи темнело большое влажное пятно. Вода из ведра? Нет. Пятно имело форму огромной когтистой лапы, которая легла ей на плечо и сжала ткань.

Лада скрылась за углом, направляясь к двери.

Алексей медленно закрыл форточку. Посмотрел на свои руки. Левая ладонь была испачкана мелом. Он перевел взгляд на стену, у которой стоял ночью.

Прямо на обоях, на высоте человеческого роста, виднелся свежий отпечаток ладони. Сделанный обычным школьным мелом. Внутри отпечатка детской рукой было криво выведено одно слово:

ОСТАНЬСЯ.

Буква «Й» была написана зеркально.

Алексей провел пальцем по надписи. Мел посыпался на пол белой пылью. Реальность вернулась. Плотная, твердая, пахнувшая пылью и керосином.

Но надпись оставалась материальной. Её можно было потрогать. Стереть. Забрать с собой как доказательство.

Он достал из рюкзака перочинный нож. Аккуратно, стараясь не повредить бумажную основу, вырезал прямоугольник обоев с надписью. Сложил его вчетверо и убрал во внутренний карман куртки, туда, где раньше носил диктофон.

Затем он подошел к двери, откинул щеколду и вышел на крыльцо.

Утреннее солнце наконец-то пробило облачный заслон, залив двор ярким, почти хирургическим светом. Алексей зажмурился.

Когда он открыл глаза, Лады у крыльца уже не было. Ведро с грибами стояло на нижней ступеньке. Красная нить валялась на земле, завязанная мертвым узлом вокруг ножки ведра.

Из леса тянуло прохладой и запахом прелой листвы.

Где-то высоко, в безопасности крон, долбил дятел. Ровно. Сорок девять ударов в минуту.

Глава 5. Срывы реальности.

День выдался обманчиво ясным.

Солнце, прорвавшееся сквозь утренний морок, заливало деревню Лесная Река светом такой интенсивности, что мокрая после ночного тумана трава казалась покрытой стеклянной крошкой. Алексей проснулся поздно, с тяжелой головой и привкусом озона на языке — тем самым металлическим вкусом, который теперь неизменно сопровождал его пробуждения в этом месте. Вырезанный кусок обоев со словом «ОСТАНЬСЯ» лежал во внутреннем кармане куртки, ощущаясь как холодный камень.

Он вышел на улицу, щурясь от яркого света. Деревня жила своей странной, параллельной жизнью. Дед Егор рубил дрова у забора, методично взмахивая колуном. На плече старика сидела абсолютно черная сойка, которая поворачивала голову в такт каждому удару. Продавщица из сельмага развешивала на веревке связки сушеных грибов; прищепки в её руках были сделаны из человеческих фаланг пальцев, аккуратно очищенных и лакированных. Никто не обращал на это внимания. Для них это была норма. Нормой был и сам Алексей — чужеродное тело, которое организм деревни пока просто терпел, вырабатывая вокруг него защитный слой равнодушия.

Лада появилась ровно в полдень. Она вышла из-за угла магазина, вытирая руки пучком полыни. Подошла к Алексею вплотную, бесцеремонно сунула нос ему за воротник куртки и шумно втянула воздух.

— Пахнешь мелом и паникой, — констатировала она. — Ночью стены тебя поместили. Теперь ты для леса свой. Немного недожаренный, но съедобный.

— Я хочу видеть ритуал, — сказал Алексей вместо приветствия. Его голос звучал хрипло. Бессонная ночь выжгла предохранители страха, оставив только холодное, отстраненное любопытство исследователя. — Ты говорила про кабель заземления. Про семь лет. Сегодня?

Лада посмотрела на небо. Солнце стояло в зените, идеально белое, без единого пятнышка.

— Семилетний цикл — это для больших праздников, писатель, — усмехнулась она. — Это когда река выпивает целую деревню. А сегодня вторник. Обычный плановый сброс давления. Мембрана между мирами истончилась. Если встать на правильной гальке, можно увидеть всё, что утекло сквозь пальцы времени за последние сто лет. Пойдем. Только шнурки завяжи двойным узлом. И если увидишь свою мать — не зови её.

Они пошли вниз по единственной улице, ведущей к реке. Чем ближе они подходили к воде, тем сильнее менялся звук. Исчез привычный шелест листы и стрекот кузнечиков. Воздух начал вибрировать на низкой частоте, отдаваясь гулом в зубных пломбах. Небо над руслом реки приобрело странный свинцовый оттенок, хотя над лесом оно оставалось безупречно голубым.

Берег представлял собой крутой глинистый обрыв. Лада остановилась в трех метрах от края, воткнула нож в землю и села прямо на сухую траву, скрестив ноги.

— Дальше нельзя, — сказала она. — Там сейчас нет дна. Будет неприятно упасть в пустоту.

Алексей подошел к самому краю и лег на живот, заглядывая вниз.

Реки не было.

Там, где должна была течь вода, перекатываясь через серые валуны, зиял разлом. Пространство искривилось под углом почти в сорок пять градусов. Серая поверхность внизу напоминала застывшую ртуть или мутное стекло. Сквозь неё смутно виднелось дно — перевернутый вверх тормашками лес. Корни деревьев уходили в бесконечную черноту сверху, а кроны висели где-то глубоко внизу.

И по этому перевернутому лесу шли люди.

Сначала Алексей принял их за отражение облаков. Но фигуры имели плотность. Они двигались медленно, против всех законов гравитации, ступая по вертикальным стволам сосен так же уверенно, как ходят по земле. Их были сотни. Мужчины в армяках позапрошлого века, красноармейцы времен Гражданской, бабы в белых платках, дети в пионерских галстуках. Все они смотрели себе под ноги или перед собой, лица выражали абсолютную, сосредоточенную усталость людей, идущих домой после долгого рабочего дня.

— Это те, кого забрали дороги, — тихо пояснила Лада, доставая кисет. Она начала сворачивать самокрутку, движения её рук были точными и спокойными. — Заблудившиеся путники, утопленники, дезертиры. Река собирает потерянных. Хранит их в своих капиллярах, как паук хранит мух. Раз в неделю система делает дефрагментацию. Выплескивает лишнее наружу. Показывает нам кино.

— Почему они идут туда? — спросил Алексей, кивнув на северный изгиб русла, где «ртутная» поверхность начинала светиться изнутри тревожным багровым светом.

— Туда уходит старая память, — Лада прикурила от самодельной кресальной спички. Дым пах болотной водой. — Место окончательной архивации. А оттуда... вон оттуда приходят новые гости.

Она указала чубуком самокрутки направо. Там, где течение (если это можно было назвать течением) замедлялось, образуя заводь, поверхность «стекла» пузырилась. Из глубины начали подниматься пузырьки воздуха размером с человеческую голову. Они лопались беззвучно, и на их месте оставались стоять силуэты.

Это не были призраки. Призраки прозрачны. Эти же состояли из плотного, влажного тумана, спрессованного до состояния войлока. Фигуры обретали форму постепенно: сначала плечи, затем туловище, последним проявлялось лицо.

Алексей почувствовал, как кровь стынет в жилах, несмотря на жаркое солнце. Он узнал первого вышедшего.

Это был Серега Комаров, его сосед по комнате в университетском общежитии. Тот самый Серега, который утонул на летней практике в Карелии пять лет назад — нелепо, глупо, поскользнувшись на камнях. В руке «туманный» Серега держал эмалированную кружку. Вода в ней переливалась всеми цветами радуги.

Серега поднял голову. Посмотрел прямо на Алексея. У него не было глаз — только два глубоких провала, затянутых сизой пленкой. Но он улыбнулся. Той самой широкой, беззаботной улыбкой, которую Алексей пытался стереть из памяти все эти годы, чувствуя вину за то, что не пошел с ним тогда к водопаду.

— Лёха, — прошелестел Серега голосом, состоящим из шума воды в трубах. — Жарко там у вас. Мы тут остываем. Приходи, места много.

Рядом материализовалась женщина в домашнем халате и бигуди. Валентина Петровна, квартирная хозяйка Алексея в первый год его жизни в Москве. Она умерла от инсульта, пока он сдавал сессию и даже не приехал на похороны. Валентина Петровна неодобрительно поджала губы, глядя на ботинки Волкова:

— Опять грязь нанесешь, Леша. Я только мыла. Пол чистый.

Из воды выходили коллеги, дальние родственники, случайные попутчики из плацкарта, бывшие девушки. Архив возвращал пропавшие файлы. Река щедро делилась тем, что накопила в своем холодном чреве.

— Они настоящие? — прошептал Алексей, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. — Или я схожу с ума?

— Сумасшествие требует слишком много энергии, — пыхтя дымом, ответила Лада. — Река экономит. Ей проще переписать твои зрительные нервы напрямую. Они настоящие настолько, насколько настоящим является твой страх перед ними. Не смотри им в глаза долго. Засосет.

Алексей заставил себя отвернуться от берега, перевел взгляд на свои руки. Кожа покрылась мурашками. Таблица умножения в голове дала сбой: семь на восемь упорно выдавало ответ «приходи». Он вцепился ногтями в ладонь, пытаясь болью вернуть себе ощущение собственного тела.

Внезапно гомон голосов на берегу стих.

Не стало тише — звуки отрезало ножом. Наступила вакуумная тишина.

Все фигуры из тумана одновременно замерли. Серега с кружкой стоял, наклонившись вперед, одна нога занесена для шага, но он больше не падал и не двигался. Время внутри пузыря реальности остановилось.

Воздух над рекой запах гарью. Запахло жженой проводкой, горячим пластиком и чем-то сладковатым, тошнотворным — запахом паленого мяса, который невозможно спутать ни с чем другим.

Тень пришла не снизу и не с боков. Она упала сверху, словно пролившаяся капля густых чернил.

Сначала появилось пятно на поверхности «ртутного» стекла. Оно стремительно росло, поглощая туманную женщину в бигуди, красного командира, бабу в белом платке. Чернота впитывала их без остатка, растворяла в себе, как концентрированная кислота.

Затем пятно поднялось в воздух.

Оно сформировало столб высотой метров в десять. Столб вращался против часовой стрелки, закручивая пространство вокруг себя спиралью. Внутри этой воронки вспыхивали фиолетовые молнии, но грома не было — только тот самый низкий гул, выворачивающий внутренности.

Фигура уплотнилась.

Она больше не была плоской тенью, как та, что приходила ночью. Сейчас она имела объем, но этот объем постоянно искажался. Ростом существо превышало три метра. Покатые плечи переходили в шею, которой не существовало — голова росла прямо из грудной клетки. Вместо лица клубился черный дым, в котором изредка проступали геометрические формы: идеальный круг, пересеченный линиями, как мишень; сложный фрактальный лабиринт; иногда — просто ряд острых, похожих на иглы зубов, расположенных вертикально.

У существа было шесть рук. Они росли друг из друга, как ветви дерева, становясь всё тоньше и длиннее к концам. Самая нижняя пара рук волочилась по земле, оставляя в глинистом берегу глубокие борозды. Верхние руки были воздеты к небу.

Тень сделала шаг.

Земля не выдержала её веса. Глина на берегу пошла трещинами, осыпаясь в пустоту целыми пластами. Существо шло вдоль кромки воды, проходя сквозь замершие фигуры из тумана. Те, кого оно касалось своими конечностями, рассыпались серой пылью. Не исчезали, не таяли, а именно осыпались сухим прахом, который тут же всасывался в черные воронки на плечах Стража.

Алексей вжался в землю. Инстинкт кричал бежать, но тело отказывалось подчиняться. Взгляд прирос к фигуре. Рациональная часть мозга пыталась найти аналогию: оптическая иллюзия, мираж, преломление света в насыщенном влагой воздухе. Но шестипалые руки, царапающие берег, были слишком материальными. От них веяло первобытным, космическим ужасом, который древнее человечества.

Лада рядом перестала курить. Её правая рука медленно, миллиметр за миллиметром ползла к голенищу сапога, где прятался охотничий нож. Лицо её превратилось в гипсовую маску. Только жилка на шее билась часто-часто, как пойманная птица.

Тень прошла половину пути вдоль излучины. До укрытия Алексея и Лады оставалось не более двадцати метров.

Верхняя пара рук опустилась. Ладони, каждая размером с крышку канализационного люка, раскрылись, обратившись к небу. Между пальцами заплясали синие электрические дуги. Существо начало *пить*.

Оно втягивало в себя остатки того самого солнечного света, которым еще недавно заливалась деревня. Цвета поблекли. Зеленая трава стала пепельной. Голубизна неба сменилась грязно-серым цветом старых газет. Температура упала резко, градусов на двадцать. Пар изо рта Алексея превратился в густой иней.

А потом одна из средних рук Тени повернулась.

Пальцев на ней было шесть. Суставы сгибались в обратную сторону. Указательный палец вытянулся, целясь точно в лоб Алексея.

Взгляда не было — нечего было ловить глазами, — но вес этого указания придавил Волкова к земле, выдавливая воздух из легких. Палец согнулся, маня к себе.

«Узлы. Дай мне узлы твоей памяти. Я расплету их красиво».

Лада среагировала быстрее.

Она метнулась вперед, закрывая Алексея своим телом. В её правой руке блеснуло широкое лезвие ножа.

— Не смей! — крикнула она, вкладывая в голос всю мощь своих легких. — Он под моей защитой! По закону бродяг и уставу топи!

Тень остановилась. Голова-мрак медленно повернулась к Ладе. Электрические дуги между пальцами опали. Вокруг существа взвыл ветер. Это был не обычный порыв воздуха — это был поток чистого вакуума. Листья ближайших берез мгновенно почернела, скукожилась и осыпалась трухой. Трава прижалась к земле и замерзла, покрывшись кристаллами льда идеальной шестиугольной формы.

Лада стояла неподвижно, выставив нож перед собой. Острие клинка смотрело прямо в центр черного лица. Красная нить, которой она вязала узлы вчера, выскользнула из её кармана и обмоталась вокруг запястья, натянувшись как струна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.